

ПЕХЛИВАНОВА К. БИОГРАФИЯ ЙОРДАНА ГЕОРГИЕВА ПЕХЛИВАНОВА*

Никита Сергеевич Гусев –

кандидат исторических наук,
научный сотрудник
Института славяноведения РАН, Москва.
gusevns@gmail.com

Аннотация

Публикуемый документ — написанная Кирой Пехливановой биография ее отца, Йордана Пехливанова, болгарского, русского, а затем и советского офицера, в 1919 г. покинувшего Россию, второго мужа актрисы и просветителя В.В. Пушкаревой. Источник дополняет биографию Й. Пехливанова в ранее малоизвестные периоды его жизни и позволяет сделать ряд наблюдений аксиологического характера о болгарском обществе конца XIX — начала XX вв.

Ключевые слова

Йордан Пехливанов, В.В. Пушкарева, Кира Пехливанова, русско-турецкая война 1877–1878 гг., белая эмиграция, аксиология.

PEHLIVANOVA, KIRA. BIOGRAPHY OF JORDAN GEORGIEV PEHLIVANOV

Nikita S. Gusev –

PhD, Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow.
gusevns@gmail.com

Abstract

The source published is a biography of Jordan Georgiev Pehlivanov, Bulgarian, Russian, and then Soviet officer, who left Russia in 1919, the second husband of the Russian actress and educator Vera Pushkareva. The biography is written by Pehlivanov's daughter Kira. The source covers previously undocumented periods of her father's life and allows making conclusions of axiological nature about the Bulgarian society at the turn of the nineteenth and twentieth century.

Keywords

Jordan Pehlivanov, Vera Pushkareva, Kira Pehlivanova, Russian-Turkish War of 1877–1878, White émigré, axiology.

* Авторская работа выполнена по гранту РФФИ № 18-512-76003 «Лингвистическая и этнокультурная динамика традиционных и нетрадиционных ценностей в славянском мире» в рамках Программы ERA.Net.RUS Call 2018 (проект #472-LED-SW).

Фигура Йордана Пехливанова, сумевшего в напряженные февральские дни 1918 г., когда рабоче-крестьянская Красная армия только создавалась, организовать отпор наступающим на Петроград немецким войскам, и тем самым немало поспособствовавшему спасению молодой советской республики, долгое время не удостоивалась серьезного внимания историков¹. В последние годы вышел ряд работ российского исследователя А.В. Ганина, в которых биография этого военного подробно рассматривается при опоре на источники архивного и личного происхождения, в том числе и на архив семьи Й. Пехливанова². Однако приводимый ниже документ хранится в болгарском Центральном государственном архиве (Централен Държавен архив на Република България (далее — ЦДА)) и ранее в научный оборот введен не был. Его автор, дочь Й. Пехливанова Кира, готовила несколько вариантов биографии отца, один из которых предназначался для болгарского научного журнала «Исторически преглед», но так и не был опубликован. Через три года она объединила свои воспоминания и документы, которые сумела получить из Рукописного отдела Института русской литературы РАН (Пушкинского Дома), и составила нижеприводимый текст. Если в работах А.В. Ганина рассматривается, прежде всего, деятельность военачальника в годы Первой мировой и Гражданской войн, то в данной биографии этот период, наоборот, наименее освещен.

Документ ценен по нескольким причинам. Во-первых, в нем содержатся ряд сведений мемуарного характера и семейные легенды, обогащающие сведения о Й. Пехливанове, главным образом касаясь его детства и бегства из России. Резче очерчивается и характер самого героя, его ценностные ориентиры: проявляя в учебе болгарскую, крестьянскую настойчивость, он отвергал всё, включая и ухаживания за дамой сердца. Посвящая себя изучению специальности, Й. Пехливанов, в отличие от большинства своих русских коллег, живя в столице, пренебрегал расширением культурного кругозора, что и проявилось в его общении в высшем свете. В то же время, оказавшись в сложной ситуации во время Гражданской войны, он сразу сориентировался — завел крестьянское хозяйство. Таким образом, даже находясь на русской службе, он оставался офицером болгарского типа — прагматичным и лишенным аристократических «замашек».

¹ Можно назвать лишь один небольшой очерк: *Николаев П.А.* И.Г. Пехливанов // Военно-исторический журнал. 1981. № 1.

² *Ганин А.В.* И.Г. Пехливанов — один из первых историографов Первой балканской войны // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913) / отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. М., 2012; *Он же.* Болгарин, защитивший Россию: судьба Йордана Пехливанова // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 11. М., 2012; *Он же.* Болгаринът защитил Русия: Съдбата на Йордан Пехливанов. София, 2014.

Во-вторых, источник интересен и сам по себе, он характеризует автора и общество, в котором он жил, и наводит на размышления аксиологического характера. Дело в том, что К. Пехливанова указывает, что Й. Пехливанов родился в 1876 г., не уточняя день и месяц. А через 15 лет в письме историку П.А. Николаеву подчеркивает, что ее отец появился на свет в день объявления русско-турецкой войны 1877–1878 гг. — 12 апреля 1877 г. Эта же дата фигурирует в его свидетельстве о крещении, выданном в 1946 г., и принята в семье. В анкете 1937 г. сам Й. Пехливанов записал 22 апреля (5 мая) 1877 г.³, а в документах военного ведомства указана дата 7 октября 1876 г.⁴. Такой разброс дат можно объяснить тем, что для человека день рождения не представлял значимости и не отмечался, являясь лишь необходимым для документов атрибутом. Аналогичная ситуация имела место и в русской крестьянской среде, где праздновались только именины, и в 1930-е годы получившие паспорта вчерашние крестьяне нередко указывали дату именин или какого-либо праздника (таким образом прабабка автора этих строк «получила» день рождения 8 марта). Возможно, с Й. Пехливановым произошло нечто схожее: не зная точной даты своего появления на свет, на русской службе он указывал 7 октября. Со временем же, получив возможность исправить документы, он, стараясь подчеркнуть свое отношение к освобождению Болгарии, «перенес» свое рождение на 12 апреля 1877 г., хотя в таком случае описанная ниже история бегства его семьи из Сливена приобретает маловероятный характер. Отметим, что К. Пехливанова не указывает точной даты и своего рождения, называя лишь год и месяц. Вдобавок странно то, что в этой семье двое младших сыновей получили имена в честь погибших старших, что противоречило распространенной практике, согласно которой имя погибшего будет нести с собой и столь же короткую жизнь.

Также вызывает вопрос упоминание рассказов Й. Пехливанова о беседах с И.В. Сталиным и Л.Д. Троцким, которые вряд ли могли состояться, поскольку герой повествования почти всё время находился на фронте, но в 1965 г. (время написания биографии) были способны лишь ухудшить отношение властей; при этом не уделяется внимания его действиям по защите Петрограда в 1918 г. В то же время вырванные из логики рассказа и отделенные последние два абзаца подчеркивают его лояльность и даже поддержку советской власти.

Об авторе: Кира Пехливанова (13.01.1914–14.08.1982) — дочь Й. Пехливанова и В.В. Пушкаревой, специалист по методике преподавания русского языка для иностранцев, автор множества пособий, эмигрировала вместе с родителями в Болгарию, где и проживала до своей смерти.

Документ хранится в личном фонде В.В. Пушкаревой, переданном в ЦДА дочерью, написан на болгарском языке, представляет собой машино-

³ Ганин А.В. Българинът... С. 105–106.

⁴ Список Генерального Штаба. Пг., 1914. С. 598.

пись с множественными исправлениями простым карандашом, датирован 13 марта 1965 г.

Публикуется в моем переводе и с небольшим сокращением — опущены полностью цитируемые письма Й. Пехливанова и Н.А. Котляревского из фондов Пушкинского Дома, в которых речь идет о периоде Гражданской войны, поскольку они уже введены в научный оборот А.В. Ганиным.

ЦДА. Ф. 1066К. Оп. 1. А.е. 6.

Йордан Георгиев Пехливанов родился в 1876 г. в г. Сливене в семье Георги Добрева (Пехливанова) — брата художника Димитра Добровича — и Радки Стояновой (второй его жены).

От первой жены у Георгия Добрева было 10 детей, старшие сыновья Добри и Йордан погибли в молодости, не оставив детей. Первый утонул в Тундже, второй был убит на Освободительной войне, в которой принимал участие как ополченец (предполагаю, что утонувшим является Йордан, и утонул он за несколько лет до Освобождения, поскольку рожденный в 1876 г. от второй жены ребенок получил это имя, а рожденный в 1880 г. сын был наречен Добри в честь убитого в 1877–1878 гг.). Из 10 детей от первого брака остались в живых и дожили до старости Штилияна (Чобанова), Господина (Х. Тодорова), Димитр и Панайот Пехливанов. 4 ребенка умерло маленькими.

От второй жены Радки Стояновой у Георги Добрева было 6 детей (и один приемный — Георги, поскольку Радка являлась вдовой). В живых остались Йордан, Добри, родившийся в 1880 г., и Цонка (родившаяся в 1882–1883 гг. (так в тексте. — *Н. Г.*)), позднее вышедшая замуж за генерала Михаила Сапунарова*. Портрет Цонки, изображенной Дим. Добровичем девочкой, был выставлен в Нац[иональной] худож[ественной] галерее. Остальные дети умерли маленькими, а приемный Георги — в десятилетнем возрасте.

Семейство Георги Добрева Пехливанова принимало активное участие в борьбе против турок: старшие сыновья с оружием в руках, младшие — по мере своих сил. Штилияна, тогда девочка, вместе с младшими братьями Димитром и Панайотом отливали пули и доставляли их, а также еду и одежду восставшим в Балканские горы. (Так рассказывали, не указывая имена, но предполагаю, что в горах был и самый старший брат Добри.)

В 1877 г., когда турки ворвались в Сливен** и население стало уходить в горы, бежало и многодетное семейство Георги Д. Пехливанова. Дома остался только старик (думаю, это был дед Добри), которого потом нашли

* Сапунаров Михаил Стефанов (1867-1959) — болгарский военачальник, генерал-майор, участник Балканских и Первой мировой войн, в 1919 г. вышел в запас. Женился на Цонке Пехливановой в 1903 г. (здесь и далее примечания мои. — *Н.Г.*)

** Видимо, имеется в виду приход турецких войск в город для организации отпора Передовому отряду генерала Й.В. Гурко в июне 1877 г.

привязанным к 4 столбам во дворе и со следами разведенного на груди огня — турки жгли его заживо. При поднятии по крутым склонам к Синим камням семейство двигалось с большим трудом, отец, мать и старшие дети несли младших (от второй жены отца), а их было четверо, самым младшим являлся Йордан. Поскольку спасти всех детей не представлялось возможным, родители решили пожертвовать самым младшим и оставили Йордана на дороге. Его нашла девушка, которая несла свое приданое. Пожалев ребенка, она бросила приданое и донесла ребенка в Балканские горы, где отдала его родителям. Потому Йордан стал ее почитать как вторую мать.

Когда семейство спустилось с гор, то нашло свой дом сожженным и стало жить в погребке, пока не отстроило новый дом. Чадолубивый Георги Пехливанов прибавил к своему многочисленному семейству еще одного сына, подобрал и усыновив одного маленького турка, чьи родители бежали при наступлении русской армии. Этот турок позже стал очень хорошим печником, еще несколько лет назад был жив и поддерживал отношения с детьми и внуками своих болгарских братьев и сестер.

Через несколько лет после Освобождения Георги и Радка Пехливанова умерли, оставив Йордана (8–9-летнего), Добри (4–5-летнего) и Цонку (2-летнюю) сиротами. Малышей забрала и присматривала за ними их вышедшая замуж сестра Штилияна Чобанова, помощь оказывали и другие сестры и старшие братья.

Йордан был очень способным, но чрезмерно озорным. Он возглавлял целую банду мальчишек, совершавших различные шалости, надолго оставшиеся в памяти жителей Сливена.

Предполагаю, что в 15-летнем возрасте его отправили в Военное училище в Софии, которое окончил в [1898]*, после чего стал офицером в Севлиево (до 1902 г.).

Там он готовился к конкурсу 1902 г. (полностью самостоятельно изучал даже французский язык). Когда он выиграл конкурс, его отправили в качестве стипендиата в [Михайловскую] Артиллерийскую Академию в Петербурге (1902 г.)

Очень способный и чрезвычайно трудолюбивый, он окончил Арт[иллерийскую] Академию (1906 г., первый среди всех русских, с полным баллом «12» по всем предметам, что являлось редкостью и имело место не в каждом выпуске).

После окончания Арт[иллерийской] Академии (1.IV.1906) его оставили для учебы в [Николаевской] Академии Генерального Штаба, которую он окончил также первым (1910 г.***) с полными «12» по всем предметам, после чего перешел на русскую военную службу в мае 1910 г. (об обстоятель-

* Здесь и далее в квадратных скобках заполняются лакуны, оставленные в тексте К. Пехливановой.

*** Во всех документах указан 1909 г. (Ганин А.В. Българинът защитил Русия: Съдбата на Йордан Пехливанов. София, 2014. С. 13).

ствах этого перехода см. письмо от 3.11.1954 г. Очевидно, в феврале–марте 1910 г. он приезжал в Болгарию оформить свое увольнение*).

Раннюю весну (февраль и март) 1906 г. Й. Пехливанов провел на лечении и отдыхе в Сестрорецке близ Петербурга в частном пансионе: переутомление усиленными занятиями привело к тому, что у него произошло кровоизлияние в горле из-за разрыва кровеносного сосуда, что ошибочно посчитали туберкулезом. Несколько месяцев, проведенных на свежем воздухе и в относительном отдыхе (относительном, поскольку он продолжал систематически готовиться к экзамену), восстановили его здоровье.

В Сестрорецке он познакомился с Верой Васильевной Пушкаревой-Котляревской**, артисткой Александринского театра и супругой проф. (позднее академика) Нестора Александровича Котляревского***, также приехавшей на отдых.

Молодой болгарин произвел на В.В. Пушкареву глубокое впечатление. В своих письмах она его описывала как необыкновенного человека (особенно для русского интеллигентского общества, в котором она вращалась). Крупный, хорошо сложенный, веселый и добродушный, как ребенок, очень непосредственный и жизнерадостный, исключительно одаренный и обладающий совершенно невероятной волей, целеустремленностью и работоспособностью. Увлеченный красивой женщиной, он мог бы проводить с ней целые дни, поскольку они являлись единственными обитателями пансиона, а она была полностью свободна. Но он гулял или разговаривал с ней только два раза в день по два часа, определял время для этого утром и вечером, в конце встречи смотрел на часы и говорил: «Сейчас надо идти учиться».

Вопреки болезни, вопреки большой любви, он с полным отличием сдал экзамены и окончил Артил[лерийскую] академию (1906 г.).

Вера Пушкарева познакомила его со своим семейством, в котором он стал частым гостем. Ее сестра Мария и другие домашние сердечно приветствовали Й. Пехливанова. Однако в обществе, в которое Вера Пушкарева его ввела (состоящем их ученых, писателей, художников и других лиц интеллигентских профессий), он чувствовал себя стесненно и отчужденно, не принимал участия в разговорах. Общество, собиравшееся у Котляревского, также воспринимало его чужаком.

* 30 марта он официально уволился с болгарской службы в запас (Ганин А.В. Българинът... С. 13).

** Пушкарева Вера Васильевна (1875–1942) — артистка Александринского театра, одна из основателей общества «Народные университеты». После эмиграции преподавала в высших учебных заведениях и гимназиях Софии, являлась театральным критиком, выступала в газетах и на радио, основала кружок «Живое слово». (ЦДА. Ф. 1066К. Оп. 1. Биографическая справка. Подробнее о ней см.: Косик В.И. Софии русский уголок. М., 2008. С. 137–141).

*** Котляревский Нестор Александрович (1863–1925) — академик, историк литературы, публицист, первый директор Пушкинского Дома.

В 1908, 1909 годах Й. Пехливанов посещал Францию и Германию. И в 1906 г. он был в Париже.

В мае 1910 г. Й. Пехливанов был назначен капитаном русской полевой артиллерии с прикреплением к Генеральному штабу, после чего отправился на свою первую стажировку — лагерный сбор при штабе 18 армейского корпуса близ г. Пскова.

Во время [Первой] Балканской войны он поехал в Болгарию добровольцем и принял участие в сражениях при Адрианополе (сохранился снимок с В.В. Пушкаревой, сделанный перед его отправлением на фронт). Благополучно вернулся, не будучи раненым*.

Когда, точно не знаю, но перед [Первой мировой] войной он работал военным педагогом в Михайловском военном училище (Инженерный замок в Летнем саду, но до конца не уверена**).

Как военный педагог он был очень способен, собирал материалы и наблюдения для военно-педагогического труда, который позднее на основе наблюдений и опыта Мировой войны оформился в учебник «Пособие по воспитанию и обучению бойца и войск», который с предисловием акад. Н.А. Котляревского должен был выйти в 1918–1919 гг. Яков Барсков, живший тогда вместе с Й. П[ехливановым] в доме проф. Котляревского, ему правил стиль.

Рукопись труда, набранная на машинке, если не врут, в двух экземплярах хранится в Пушкинском доме в Ленинграде в архиве акад. Нестора Александровича Котляревского, ф. 135. В воспитании бойца применялось павловское учение***, тогда бывшее в новинку.

С началом войны Й. П[ехливанов] на фронте.

Он участвовал в Брусиловском прорыве. Командовал рейдом, проведенным частями Дикой дивизии в тыл немецких войск, где проявил большую храбрость, хладнокровие и сообразительность****. На эту его характерную черту указывает и то, что он был чрезвычайно спокоен и хладнокровен при отступлении и сумел личным примером пресечь какую бы то ни было панику среди отступающих войск. При наступлении подымал солдат

* Согласно приказу по действующей армии от 25 октября 1912 г., его зачислили в ряды болгарской армии с сохранением звания и передали в распоряжение командующего 1-й армией (Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р8091. Оп. 110. КМФ-5. Болгария, поступление ЗА-110. 1878-1948 гг. Ед. хр. 9. Л. 44). Уволился по собственному желанию в первых числах декабря (*Ганин А.В. Българинът... С. 20-21*). На основании увиденного составил свои замечания, которые опубликовал в серии статей в «Известиях Императорской Николаевской военной академии» в 1913 г.

** Михайловское военное училище располагалось по другому адресу, в Михайловском (Инженерном) замке находилось Инженерное училище.

*** Видимо, имеется в виду учение И.П. Павлова о высшей нервной деятельности.)

**** Й. Пехливанов в этот момент являлся начштаба 3-й Заамурской пограничной пехотной дивизии. Это подразделение и Кавказская туземная конная дивизия (Дикая дивизия), хотя в тот момент и входили в состав 9 армии, состояли в разных армейских корпусах.

в штыки личным примером. Шел вперед выпрямившись, спокойно и не получил ранений, хотя рядом с ним гибли люди. Охотно и добровольно замещал (так в тексте. — *Н. Г.*), который был болен и с трудом ходил в атаки, несмотря на то, что это являлось его обязанностью. Награжден многими знаками отличия, хотя в своем письме называет лишь 3 как «единственные в своем роде для всей русской армии»:

Георгиевское оружие,
Орден св. Георгия IV степени,

Почетный солдатский Георгиевский крест за храбрость. (Последняя награда давалась только лицам, проявившим в боях личную храбрость наряду с солдатами, и потому мало офицеров ее получали.) <...>

Йордан Пехливанов рассказывал:

а) о встрече со Сталиным;

б) о встречах с Троцким;

в) об организации им рабочих отрядов, отправившихся на село реквизировать зерно, и очень сожалел о погибших;

г) после английского десанта в Мурманске на всех бывших царских офицеров, поддержанных Троцким, стали косо смотреть. Среди офицеров стали ходить слухи, что однажды их перебьют. Друзья советовали Пехливанову исчезнуть как можно скорее, чтобы не пострадать. Как болгарину ему лучше всего было вернуться в Болгарию. И он решил поехать при первом удобном случае, тем более что в Крыму у его б[р]ата находились жена и четырехлетняя дочь, испытывавшие голод и опасности. Он раздобыл болгарский паспорт на имя огородника Петра А. Дуйчева и в конце августа уехал.

Как и когда точно уехал, не знаю. Но помню, что прибыл к нам в Гурзуф и привез масло, на которое я набросилась, поскольку мы уже долгое время голодали.

До того мы пережили различные ужасы (обстрел английскими военными кораблями, несколько человек утонуло почти перед нашим домом). Мы жили на скалистом носу в Чеховском домике — с двух сторон море не доходило до здания лишь несколько метров. Жили там целый год. Зимой было страшно, потому что морские брызги омывали окна.

Осенью 1918 г. отец отвез нас в Луки (близ Сум) в имение* Линтварёвых**, друзей Н.А. Котляревского. По дороге мы чуть не утонули в море, поскольку пароход налетел на скалу и едва дошел до порта, где и затонул. Там (в имении. — *Н. Г.*) на нас сразу напали бандиты, после чего мы переехали в город Сумы по адресу «ул. Новоместенская, 12», где поселились в подвале.

* В оригинале — «чифлик».

** Линтварёв Георгий Михайлович (1865–1943) — пианист, земский деятель. В этом же имении ранее нередко проживал А.П. Чехов.

Отец ходил в поношенной гражданской одежде и с бородой как у огородника. Я называла его крестным. Весной вместе с матерью они возделывали большой огород, а я посещала детский сад, расположенный около места их работы. Во двореике дома отец разбил овощные грядки, купил поросенка, развел кур.

Летом 1919 г. он исчез и появился, чтобы забрать нас с собой, когда наступили холода. В разговорах упоминали ген. Сарафова*, болгарина, с которым он давно был знаком и который его устроил на службу в Деникинскую армию**, что поспособствует нашему переезду в Болгарию***.

У меня нет письменных документов за это время. В Пуш[кинском] доме есть сохранившиеся письма моей матери № 57-3.

Когда отец приехал, чтобы забрать нас из Сум, мать только что перенесла тиф и едва держалась на ногах.

Ехали в товарном вагоне с нарами и печкой «теплушкой», поэтому по дороге останавливались, и мужчины ходили в лес за дровами. Отец тяжело заболел испанкой**** с осложнениями на сердце и тяжелым бронхитом, а я — пневмонией. Все трое мы были взяты знакомым отца полковником Евгением Носковым в его вагон и доведены в Новороссийск, где около 1 месяца поправлялись и сидели дома. Отец, которому нужно было уехать в Болгарию, ходил на поиски транспорта и возвращался, отчаявшись, поскольку транспорта не было. Особенно злило то, что нас не взяли на какой-то большой пароход, принявший на борт сотни, а, м[ожет] б[ыть], и тысячи человек. Но после отец почувствовал себя счастливым из-за неудачи, т.к. этот корабль утонул вместе со всеми пассажирами (вероятно, налетел на мину).

Наконец в декабре отец вернулся с радостной вестью о том, что нашел транспорт. Случайно встретил капитана корабля «Болгария», своего личного друга, пообещавшего взять нас на борт.

Корабль был мал и переполнен. Мама осталась в общей каюте, а нас с отцом капитан взял в свою каюту, где мы провели больше двух недель, на протяжении которых корабль боролся с зимними бурями. Дорога была ужасной. Мы все лежали полумертвыми из-за морской болезни. Прибыв

* Сарафов Иван Константинович (1856–1935) — болгарин, участник детронации Александра Баттенберга, в 1898 г. вернулся в Болгарию, принимал участие в Балканских войнах, с началом Первой мировой войны поступил на русскую службу и дослужился до генерал-лейтенанта, в 1917 г. после революции вышел в отставку, в 1919 г. эмигрировал на родину.

** Вооруженные силы юга России — объединенные войска Белого движения в 1919–1920 гг. под командованием А.И. Деникина.

*** Сохранился приказ А.И. Деникина, согласно которому Й. Пехливанов с Е.Е. Шайтановым командировались в Болгарию, для них было заказано двухместное купе в поезде Ростов-на-Дону — Новороссийск на 13 декабря 1919 г. (Ганин А.В. Българинът... С. 82).

**** Название гриппа, вызвавшего пандемию в 1918–1919 гг.

в Константинополь, корабль сразу встал на ремонт. Отец сумел добиться того, что нас выпустили из карантина, и мы отправились в Софию.

На следующий день после приезда мы присутствовали на армейском параде 19.1.1920.

После приезда в Болгарию мы бедствовали. Остались без одежды. У отца не было зимнего пальто. Работы ему не давали. Он хотел стать преподавателем в Военном училище — ему отказали. Назвали красным полковником. Мать трудилась продавцом в магазине, после начала давать уроки дикции и декламации, а отец нашел временную работу в сфере торгового посредничества.

Только после 1922 г. мы встали на ноги. В 1923 г. у нас около полутора лет гостил акад. Н.А. Котляревский.

Вернувшись в 1924 г. в Ленинград, он умер весной 1925 г. из-за тяжелой простуды с осложнениями, приобретенной при спасении архивов Пушкинского дома, залитых при наводнении, вызванном рекой Невой. В этом наводнении помимо прочего погибли и оставленные в сундуке вещи моего отца вместе со всеми его письмами и документами*.

С 192 —1932 г. (так в тексте. — *Н. Г.*) Йордан Пехливанов — представитель завода «Шкода» в Болгарии, с 1932 до VIII.1940 г. занимался сборкой различных машин, главным образом, в провинции. С 19.VII.1940 до 4.VII.1944 г. он являлся инженером, техническим руководителем мельницы «Червен Брег» (так в тексте. — *Н. Г.*) в городе Червен Бряг. В Червен Бряге 4.X.1942 умерла его жена В.В. Пушкарева.

В начале 1944 г. один из котлов мельницы оказался на грани того, чтобы лопнуть, и вопреки настойчивым указаниям инж. Пехливанова директор мельницы Булёв отказался остановить работу и осуществить ремонт. Инж. Пехливанов передал вопрос в М[инистерст]во. Прибыла комиссия, которая подтвердила, что котел скоро лопнет, и обязала остановить работу и провести капитальный ремонт. Разгневанный директор Булёв вызвал инженера и летом 1944 г. уволил его «по неспособности», не дав тому доработать до пенсии несколько месяцев.

Тогда Й. П[ехливанов] устроился в Дирекцию гидростроительства подённым рабочим на строительство водохранилища «Росица»**.

* Наводнение произошло 23 сентября 1924 г., фонды Пушкинского Дома были залиты, Н.А. Котляревский проявлял самое деятельное участие в ликвидации последствий, заключавшейся в просушке и разборе предметов. Скончался Н.А. Котляревский 12 мая 1925 г., как считали современники, от болезни сердца (*Измайлов Н.В. Воспоминания о Пушкинском доме. 1918–1928 гг. / Публ. Н.А. Прозоровой // Пушкинист Н.В. Измайлов в Петербурге и Оренбурге / сост. А.Г. Прокофьева, С.А. Фомичев. Калуга, 2008. С. 34–38*).

** Видимо, имеется в виду водохранилище «Александр Стамболийский», строившееся в это время и являющееся единственным искусственным водоемом, в который впадает река Росица.

Вышел на пенсию в 1947 г. и жил до своей смерти (в марте 1955 г.) у второй жены Гины Цачевой Пехливановой в с. Сухиндол Велико Тырновского округа, где несколько лет являлся лектором по математике в местной гимназии и видным деятелем и лектором болгаро-советского общества.

* * *

В 1944 г. на протяжении 6 месяцев укрывал своего зятя Валентина Арсеньева, находившегося на нелегальном положении, снабдил его пистолетом и одеждой для поступления в партизанский отряд. Одобрил поступление своей дочери в партизанский отряд и даже высказал желание сам пойти в него и помочь своими знаниями.

В 1941–1945 гг. в Червен Бряге регулярно слушал запрещенные радиостанции, делал перед своими многочисленными знакомыми подробный и компетентный разбор военных операций на фронте и предрекал победу Советской армии. Помогал бежавшим из германских эшелонов советским военнопленным.

13. III. 1965

Кира Пехливанова.

Литература

1. Ганин А.В. Болгарин, защитивший Россию: судьба Йордана Пехливанова // Русский сборник. Исследования по истории России / ред.-сост. О.Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М.А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. Т. 11. М.: Регнум, 2012.
2. Ганин А.В. Българинът защитил Русия: Съдбата на Йордан Пехливанов. София: Милена Принт, 2014.
3. Ганин А.В. И.Г. Пехливанов — один из первых историографов Первой балканской войны // Модернизация vs. война. Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913) / отв. ред. Р.П. Гришина, А.Л. Шемякин. М.: Институт славяноведения РАН, 2012.
4. Измайлов Н.В. Воспоминания о Пушкинском доме. 1918–1928 гг. / публ. Н.А. Прозоровой // Пушкинист Н.В. Измайлов в Петербурге и Оренбурге / сост. А.Г. Прокофьева, С.А. Фомичев. Калуга: Золотая аллея, 2008.
5. Косик В.И. Софии русский уголок. М.: Пробел-2000, 2008.
6. Николаев П.А. И.Г. Пехливанов // Военно-исторический журнал. 1981. № 1.

References

1. Ganin, A.V., 2012. Bolgarin, zashchitivshii Rossiiu: sud'ba Iordana Pekhlianova. In: Airapetov, O.R., Jovanović, M., Kolerov, M.A., Menning, B., Chaisty, P. eds, 2012. *Russkii sbornik. Issledovaniia po istorii Rossii*, 11. Moscow: Regnum.
2. Ganin, A.V., 2014. *Bulgarinut zashtitil Rusiia: Sudbata na Iordan Pekhlianov*. Sofia: Milena Print.

3. Ganin, A.V., 2012. I.G. Pekhliyanov — odin iz pervykh istoriografov Pervoi balkanskoï voiny. In: Grishina, R.P., Shemyakin, A.L. eds, 2012. *Modernizatsiia vs. voina. Chelovek na Balkanakh nakanune i vo vremia Balkanskikh voïn (1912–1913)*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.
4. Izmailov, N.V., 2008. Vospominaniia o Pushkinskom dome. 1918–1928 gg. / publ. N.A. Prozorovoi. In: Prokofyeva, A.G., Fomichev, S.A. eds, 2008. *Pushkinist N.V. Izmailov v Peterburge i Orenburge*. Kaluga: Zolotaia alleia.
5. Kosik, V.I., 2008. *Sofii russkii ugiok*. Moscow: Probel-2000.
6. Nikolaev, P.A. 1981. I.G. Pekhliyanov. *Voенно-istoricheskii zhurnal*, 1.